

Материальное положение чинов Отдельного корпуса жандармов

А. В. Перегудов

Для цитирования: *Перегудов А. В.* Материальное положение чинов Отдельного корпуса жандармов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 2. С. 377–403. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.204>

Статья посвящена изучению уровня материального благосостояния чинов Корпуса жандармов и динамики его изменения в пореформенный и позднейший периоды. Сравнительному анализу были подвергнуты несколько категорий служащих, в ходе которого были выявлены различия в степени их финансового положения. Установлено около полутора десятков основных и дополнительных видов довольствия, полагавшихся жандармам из казны. В абсолютных цифрах в рассматриваемый период времени наблюдался рост их денежного содержания, что позволяло жандармам чувствовать себя на порядок лучше в сравнении с другими социально-профессиональными группами. Косвенно этот тезис подтверждает неразвитость среди жандармов взяточничества. Вместе с тем наблюдается обеднение личного состава жандармерии, поскольку иными источниками доходов, кроме как связанными со служебной деятельностью, они не располагали. Это делало их весьма уязвимыми, что привело к активизации мер социальной поддержки. Характерной чертой материального обеспечения жандармских служащих в рассматриваемый период был резкий разрыв в размере денежного содержания между офицерами и нижними чинами. Генеральский и офицерский состав, несмотря на отдельные издержки, относился к сегменту обеспеченных людей. Нижние чины, как правило, обремененные многочисленными семьями, напротив, непрерывно испытывали материальную нужду, в свете чего их уровень благосостояния следует признать низким. Из-за этого многие из них, будучи не в состоянии обеспечить свои семьи, вынужденно оставляли службу и изыскивали средства к пропитанию в иных сферах. Отчасти поправить затруднительное положение позволяли такие дополнительные источники дохода, как сдача недвижимости в аренду, ведение подсобного хозяйства и случайные заработки в ходе служебной деятельности. Однако подобные источники были доступны далеко не всем. Тем не менее благодаря более частым случаям увеличения жалованья и регулярной социальной поддержке со стороны государства в начале XX в. материальное положение жандармов и занимаемое ими положение в системе власти стали весьма достойными, составив конкуренцию другим ведомствам.

Ключевые слова: жандарм, довольствие, материальное положение, уровень благосостояния, Российская империя.

Александр Викторович Перегудов — канд. ист. наук, доц., Воронежский государственный университет, Российская Федерация, 394018, Воронеж, Университетская пл., 1; peregudov@hist.vsu.ru

Aleksandr V. Peregudov — PhD (History), Associate Professor, Voronezh State University, 1, Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russian Federation; peregudov@hist.vsu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

Financial Standing of Officials of the Special Gendarme Corps

A. V. Peregudov

For citation: Peregudov A. V. Financial Standing of Officials of the Special Gendarme Corps. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 2, pp. 377–403. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.204> (In Russian)

The article focuses on the level of prosperity of the ranks of the Special Gendarme Corps and its trends during the post-reform and late imperial period. It carries out comparative analysis of several categories of gendarme employees and identifies disparities in their financial standing. There were more than a dozen basic and supplementary allowances, which were both permanent and temporary and were paid for by the Treasury. During the period under review, there was the growth in the monetary income of gendarmes, which enabled them to see themselves as being superior to people of other socio-professional categories such as senior and mid-ranking army officers and police officers. This thesis implicitly confirms that bribery was not widely spread among gendarmes. However, there was impoverishment among the gendarmerie personnel because they did not have any other source of income besides service-related earnings. This made them rather vulnerable, resulting in revitalization measures of social support of gendarme employees. A characteristic feature of material provision for gendarmes during the period under review was a widening gap between allowances for the officers and lower ranks. Gendarmes of lower ranks usually had big families and therefore were often in want for money. In other words, they had a lower standard of well-being. As a result, many of them being unable to support their families had to leave the Special Gendarme Corps and search for other livelihoods. Partially, they managed to improve their predicament by using alternative sources of income such as renting out, subsistence farming and service-related odd jobs. However, these sources were not widely available.

Keywords: gendarme, allowance, prosperity, standard of well-being, Russian Empire.

Финансовые соображения были одними из главных мотивов, которыми руководствовались молодые армейские офицеры при поступлении на службу в Отдельный корпус жандармов (далее ОКЖ). По материальному положению жандармские служащие выгодно отличались от строевых офицеров российской армии и полицейских чиновников. «Офицер был изгоем царской казны, — писал в своих мемуарах протопресвитер армии и флота Г. Шавельский. — Офицер получал нищенское содержание, не покрывавшее всех его неотложных расходов. И если у него не было собственных средств, то он, в особенности, если был семейным, влачил нищенское существование, не доедая, путаясь в долгах, отказывая себе в самом необходимом»¹. Вряд ли молодых и честолюбивых людей устраивала подобная ситуация, осложнявшаяся к тому же замедленными условиями чиновничьего производства. Как следствие, после нахождения в строю на протяжении нескольких лет начинались поиски альтернативы, одной из которых виделся переход на службу в жандармское ведомство.

Высокий уровень содержания был обусловлен спецификой жандармской деятельности. Она была сопряжена с многочисленными трудностями, сопровождавшими офицера на протяжении службы, а также поддержанием представительских расходов.

¹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 2010. С. 109.

В период Великих реформ Корпус жандармов, как исполнительный орган политической полиции, подвергся серьезной реорганизации, целью которой было повышение его эффективности в условиях меняющегося времени. По инициативе главного начальника III Отделения Императорской канцелярии графа П. А. Шувалова было разработано новое «Положение о Корпусе жандармов», утвержденное императором Александром II 9 сентября 1867 г. и пришедшее на смену предыдущему Положению от 1 июля 1836 г. Вопрос улучшения материального положения жандармских чинов был в фокусе внимания П. А. Шувалова с самого начала задуманных преобразований. По его мнению, увеличение жалованья являлось настойчивой необходимостью, так как нижние чины «едва находят возможность прокормить себя и свои семейства», а «офицеры Корпуса жандармов могут приносить надлежащую пользу только тогда, когда получают возможность жить безбедно, даже несколько открыто и вознаграждать оказываемые им услуги»².

По Положению 1867 г. основу Корпуса жандармов составляли губернские жандармские управления (ГЖУ) с наблюдательным составом (в 1870 г. переименованным в дополнительный штат) в губернских и уездных городах. В соответствии с этим нормативным документом определялись новые штаты и присваивались оклады содержания.

Изначально были образованы 56 ГЖУ, делившиеся в зависимости от региона на несколько разрядов. Большинство из них (43) были отнесены к 3-му разряду, составив костяк (76,7 %) новой жандармской организации. Денежное довольствие офицерского состава отражено в табл. 1. Отметим, что такие виды выплат, как квартирное довольствие и фуражные деньги (табл. 2), высчитаны по среднему показателю, поэтому в зависимости от конкретно взятого региона и временного отрезка они могут варьироваться.

Высокий разряд получили Московское ГЖУ и 10 управлений в наиболее крупных и развитых в политическом отношении регионах. Для начальников этих управлений был установлен повышенный размер добавочного жалованья (1500 руб., с 1880-х гг. в Москве и Петербурге — 2000), столовых денег и ряда других выплат (секретные и канцелярские расходы, квартирные и пр.). Добавим, что в распоряжение начальника каждого ГЖУ отпускался ежегодный кредит 500 руб., покрывавший расход на прогонные и кормовые деньги в случае экстренных командировок. Для разъездов помощника начальника управления по уездам с наблюдательной функцией казна единовременно выделила 400 руб. на обзаведение его бричкой и парой лошадей, а в дальнейшем начисляла ежегодное пособие для содержания кучера и экипажа, а также на закупку в необходимом количестве фуража.

Еще одной крупной группой жандармских служащих во второй половине XIX в. были чины жандармских полицейских управлений железных дорог (ЖПУ ж. д.). Их казенное содержание было практически идентичным содержанию губернских коллег с тем отличием, что меньше был оклад добавочного жалованья (400 руб. у обер-офицера и 700 руб. у начальника), но больше сумма разъездных, полагававшихся как начальнику (600 руб.), так и обер-офицерам, занимавшим должности начальников отделений ЖПУ ж. д. (200 руб.), предполагавшие большую мобильность в их служебной деятельности, связанной с постоянными перемещениями

² См.: Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 151–152.

Таблица 1. Денежное содержание начальников губернских жандармских управлений в 1867–1901 гг. (XIX в.) и 1902–1914 гг. (XX в.)

Вид денежного довольствия	Санкт-Петербургское ГЖУ (генерал-майор)		ГЖУ 2-й категории (полковник)		ГЖУ 3-й категории (полковник)	
	XIX в.	XX в.	XIX в.	XX в.	XIX в.	XX в.
Жалованье	1017	1500	687	1200	687	1200
Добавочное	2000	–	1500	–	1000	–
Столовые	1500	3300	1000	2700	600	2100
Квартирные	1000	1500	500	726,5	500	689
Добавочные от Департамента полиции	2721, 4	Нет данных	–	–	–	–
На наем прислуги	288	288	192	192	192	192
Секретные расходы	500	750	500	750	500	500
Канцелярские расходы	216	300	216	300	216	300
<i>Итого</i>	<i>9 242,4</i>	<i>7 638</i>	<i>4 595</i>	<i>5 868,5</i>	<i>3 695</i>	<i>4 981</i>

ми по линиям железных дорог. Поскольку до 1906 г. ЖПУ ж. д. не занимались политическим розыском, денег на секретные расходы им не полагалось³.

Ключевым понятием при определении уровня материального благосостояния жандармского офицера является *содержание*, которое нередко путают с другим термином — *жалованье*, зачастую ошибочно приравнивая их друг к другу. В начале XX в. под словом «содержание» понимали только жалованье и столовые деньги, «когда значение этого слова не разъяснено существующими законоположениями или Высочайшими повелениями»⁴. В настоящее время очевидной видится более широкая трактовка этого термина, включавшего весь комплекс выплат во время прохождения службы, начиная с жалованья и квартирного довольствия и заканчивая фуражными и суточными деньгами.

В целом содержание можно разделить на основные (постоянные) выплаты и дополнительные, зависящие от конкретных обстоятельств и носящие, как правило, временный характер.

³ Табл. 1 и 2 составлены по: Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собр. II, т. 42, № 44956: Штаты и таблицы. СПб., 1871; Собр. III, т. 21, № 20618: Штаты и таблицы. СПб., 1903; Сборник расчетных ведомостей сумм, потребных по интендантской смете на денежное довольствие частей войск, управлений и заведений. СПб., 1892. № 258–275; О пересмотре штатных окладов содержания, присвоенных чинам Отдельного корпуса жандармов, и об их увеличении // Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 110. Оп. 3. Д. 2473. Л. 13; Переписка по квартирному довольствию чинов Корпуса жандармов // Там же. Оп. 5. Д. 242. Л. 35–36; Ведомости на выдачу жалованья офицерам ВГЖУ // Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО). Ф. И–1. Оп. 3. Д. 44; Послужные списки офицеров ВГЖУ // Там же. Д. 336; *Бойко С. И.* Казанское губернское жандармское управление в 1880–1917 гг.: организация и деятельность в полиэтноконфессиональном регионе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2016. С. 77.

⁴ См.: Правила ведения хозяйства в частях и управлениях Отдельного корпуса жандармов / сост. ген.-майор [И. П.] Залесский. СПб., 1910. С. 6–7.

Таблица 2. Денежное содержание, руб., различных групп жандармских офицеров среднего и младшего звеньев в 1867–1901 гг. (XIX в.) и 1902–1914 гг. (XX в.)

Вид денежного довольствия	Губернское жандармское управление				Жандармское полицейское управление железных дорог			
	Помощник начальника (подполковник/ротмистр)		Адъютант (штабс-ротмистр/поручик)		Начальник отделения (подполковник/ротмистр)		Адъютант (штабс-ротмистр/поручик)	
	XIX в.	XX в.	XIX в.	XX в.	XIX в.	XX в.	XIX в.	XX в.
Жалованье	531/366	1080/900	339/312	780/720	531/366	1080/900	339/312	780/720
Добавочные	700	–	396	–	400	–	400	–
Столовые	–	720	138	240	300	720	138	240
Квартирные	250	500	150	250	350	350	214,5	214,5
На разъезды	–	–	–	–	400	–	200	–
На содержание кучера и экипажа	300	300	–	–	–	–	–	–
Фуражные деньги	100	200	–	–	–	–	–	–
На наем писца	120	120	–	–	–	–	–	–
Канцелярские расходы	50	100	–	–	75	100	–	–
На наем прислуги	192/96	192/96	96	96	192/96	192/96	96	96
<i>Итого</i>	<i>2243/1982</i>	<i>3212/2936</i>	<i>1119/1092</i>	<i>1366/1306</i>	<i>2248/1987</i>	<i>2442/2262</i>	<i>1387,5/1360,5</i>	<i>1330,5/1270,5</i>

Содержание жандармского офицера складывалось из нескольких частей: непосредственно *денежного оклада*, размер которого определялся в зависимости от чина и занимаемой должности и включал в себя жалованье и столовые деньги, *добавочных денег* на представительские расходы, а также различного рода дополнительных выплат. Добавочные деньги составляли существенную прибавку к бюджету жандарма, поскольку их размер превышал размер установленного штатом жалованья. Денежное жалованье и столовые составляли до 70 % содержания офицера. Эти деньги он мог тратить на себя и собственную семью.

Размер столовых денег (этим термином обозначалась денежная компенсация расходов на питание) в отличие от жалованья зависел не от чина, а от занимаемой офицером должности. Во второй половине XIX в. столовые выплачивались всем начальникам жандармских управлений, а также некоторым жандармам «второго эшелона», в частности руководителям отделений ЖПУ ж.д. (300 руб.), в то время как равным им по статусу помощникам начальника ГЖУ в уездах они не полагались.

В период с 1839 по 1872 г. жалование выплачивалось серебром, вследствие чего его покупательная способность не зависела от курса рубля, сохраняя зависимость от уровня цен на товары и услуги. Однако с 1873 г. в силу падения цен на серебро жалование стало выдаваться кредитными билетами (рублями)⁵. Жалование за текущий месяц и столовые деньги за месяц вперед выплачивались по 20-м числам. По словам одного из жандармских офицеров, «этот порядок является наиболее целесообразным потому, что не придется тогда оставаться без жалования в декабре, когда расходы на домашние надобности бывают наибольшими, а также не будет излишних переборов в содержании офицеров и нижних чинов»⁶.

Выдача денежного довольствия была строго регламентирована. Основанием для его отпуска служили представлявшиеся с мест требовательные ведомости установленного образца. Поскольку главным источником финансирования выступало Военное министерство, деньги выдавались из интендантского управления того военного округа, к которому относилась жандармская часть. Непосредственно получение денежных средств осуществлялось по интендантскому талону в казначействе той губернии, в которой служили жандармские чины. Чины провинциальных охранных отделений, массово создававшихся с 1902 г., получали содержание в канцелярии ГЖУ, к которому в строевом отношении они были прикомандированы. Нижним жандармским чинам, расквартированным в наблюдательных целях по уездным городам, жалование пересылалось почтой и выдавалось помощником начальника ГЖУ, в команде которого они состояли.

Деньги, предназначавшиеся на секретные расходы и канцелярские нужды, офицеры получали также из губернского казначейства, но уже лично. Данные суммы отпускались по третям года вперед.

Жилищный вопрос. Важной составляющей в формировании благосостояния жандарма было квартирное довольствие. Любой армейский чин по закону обеспечивался жильем, что по идее не требовало дополнительных расходов из личного бюджета на аренду недвижимости. Однако на практике так было далеко не всегда. Квартирное довольствие чинов жандармерии было величиной, наиболее подверженной изменению во времени и зависимой не только от чина и семейного положения, но и от разновидности жандармской части и разряда местности, в которой он служил. Таких разрядов было пять, они были введены на основании преобразования воинской квартирной повинности из натуральной в денежную 8 июня 1874 г. В зависимости от региона службы казной назначался квартирный оклад. Его размер для жандармского генерала или офицера мог составлять от 70 до 2000 руб. в год⁷. Он предназначался для аренды жилья по «вольным» ценам. Но так как подавляющее большинство руководящего состава ОКЖ не были генералами и слу-

⁵ См.: Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб., 2015. С. 229.

⁶ См.: Ведомости на выдачу жалования офицерам ВГЖУ // ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 44. Л. 106–106 об. — В начале 1907 г. штаб ОКЖ инициировал среди офицерских чинов обсуждение вопроса о порядке выдачи жалования. Предлагалось либо оставить имеющийся порядок, либо изменить его в пользу авансового характера, то есть за месяц вперед, как у нижних чинов. Офицеры Воронежского ГЖУ выступили за неизменность существовавшего порядка.

⁷ См.: Положение о преобразовании воинской квартирной повинности, Высочайше утвержденной 8 (20) июня 1874 г., и дополненное всеми состоявшимися после того постановлениями и разъяснениями по 1 января 1878 года. СПб., 1879. С. 5.

жили за пределами столичных городов, то размер их квартирного оклада составлял в среднем не более 500 руб., а у офицеров «второго эшелона» и того меньше⁸.

Квартирный оклад начислялся в интендантском управлении военного округа и подлежал выдаче через губернское казначейство 20-го числа каждого месяца вместе с жалованьем. К примеру, в начале XX в. для офицеров он состоял из трех частей и предназначался для аренды квартиры, ее отопления и освещения, а также найма конюшни (за исключением железнодорожных и разыскных жандармов). Дорогая недвижимость в дореволюционной России — один из главных факторов, влиявших на уровень благосостояния ее жителей. Как отмечали жандармы в своих донесениях еще в середине 1880-х гг., в Петербурге и Москве холостым офицерам приходилось платить за квартиру по 500 руб., семейным — от 700 до 1000 руб., в Новгороде и Рыбинске — по 600 руб., а в Воронеже «невозможно нанять квартиру в три комнаты без отопления и освещения дешевле 360 рублей в год», при распространной дороговизне дров, стоивших «по 30 копеек за сажень»⁹. На Севере Европейской России, в Вологодской губернии, в отчете за 1887 г. отмечалось, что «квартиры господ офицеров вполне отвечают их положению в обществе, но цена, уплачиваемая за помещение, много превышает отпускаемое от казны квартирное содержание, каковое по дороговизне квартир недостаточно»¹⁰.

Таким образом, практически с самого начала введения квартирных окладов стала очевидной проблема их недостаточного размера, не отвечающая реальным жизненным условиям. Государство, вероятно, предвидело эти трудности, предусмотрительно найдя альтернативу своему скудному бюджету. В случае невозможности снять подходящее для проживания помещение за установленный оклад обязанность по отводу квартир «натурой» жандармским чинам (в зависимости от их классификации — губернские или железнодорожные) лежала на администрации железных дорог либо на органах местного самоуправления. Для этого в 1875 г. были созданы губернские распорядительные комитеты, что было закреплено в Уставе о земских повинностях. В обмен на предоставленное жилье жандармы передавали в адрес общества получаемый ими из казны квартирный оклад. Ввиду дефицита в российских городах подходящих для проживания помещений (кроме разве что обывательских), а также невозможности вместить всех жандармов с семьями в здания станций железных дорог, общества предпочитали компенсировать недостающую для аренды квартир сумму из находящегося в их распоряжении бюджета. Таким образом, квартирное довольствие жандармских офицеров могло складываться из двух источников: назначаемого казной штатного оклада и добавочных денег от местных властей или железнодорожной администрации.

Квартирное довольствие полагалось также нижним чинам, которые с упразднением жандармских команд по Положению 1867 г. были выведены из казарм, так как подобная дислокация признавалась неудобной в наблюдательных целях. Теперь унтер-офицеры рассредоточивались по наблюдательным пунктам в губернском

⁸ Например, квартирный оклад офицеров в ЖПУ ж. д. составлял 500 руб. для начальника Управления, 350 руб. для его помощников, официально именовавшихся начальниками отделений, и 214 руб. 50 коп. для адъютанта. Таким образом, оклад зависел от занимаемой должности.

⁹ Отчеты разных губернских жандармских управлений об инспекторских смотрах // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1949. Л. 573 об., 674 об.

¹⁰ С представлениями годовых отчетов в штаб Корпуса жандармов о состоянии разных ГЖУ за 1887 г. // Там же. Д. 2050. Л. 6.

центре и уездных городах. Как правило, они селились в разных частях города, в том числе на окраинах и в пригородных слободах, что позволяло им охватить наиболее неблагополучную часть населения, группировавшуюся именно в этих районах.

Законом предъявлялись определенные требования к помещениям, отводимым жандармам для проживания (в случае, если местные власти предоставляли их «на-турой»). В частности, они должны были быть меблированы, освещены, отапливаемы и иметь топливо для кухни. По расчетам, внутреннее пространство на каждого унтер-офицера должно было составлять не менее 4 кв. саженей (18,2 м²), причем сени, лестницы, коридоры в расчет не принимались¹¹. В квартирах должно было быть сухо, тепло и просторно, что напрямую влияло на состояние здоровья жандарма. Так, состоявший для особых поручений при командире ОКЖ и ревизовавший летом 1885 г. Самарское, Оренбургское и Уфимское ГЖУ полковник Энгельгардт, отмечая молодцеватый внешний вид унтер-офицеров и практически полное отсутствие среди них заболеваний, объяснял благоприятные результаты не столько местными свойствами климата, сколько лучшими гигиеническими условиями проживания¹².

Квартирный оклад назначался нижним жандармским чинам на основании Высочайше утвержденного 11 мая 1876 г. мнения Государственного совета. Так же как и в случае с офицерами, за основу при его начислении брался разряд местности. В зависимости от этого размер довольствия колебался от 18 до 48 руб. в год. Предполагалось, что квартирный оклад покрывает такие статьи расходов, как отопление, освещение и топливо, необходимое для варки пищи и хлебопечения. При его расчете учитывались особенности климата в той или иной местности, стоимость дров, керосина и пр. Однако втиснуть повседневную жизнь, сопровождавшуюся инфляцией и регулярным повышением цен на товары, в жесткие рамки подобных статистических данных было невозможно. Как следствие, очень скоро квартирный оклад перестал отвечать своему назначению. К примеру, в 1890-х гг. в Вологде (местность 5-го разряда) самая бедная и дешевая квартира стоила 4,5 руб. в месяц. Естественно, что начислявшиеся казной 18 руб. (или 1,5 руб. в месяц) не покрывали расходов нижнего чина на аренду жилья, ввиду чего ему предстояло изыскивать собственные средства, учитывая, что его 15-рублевое жалованье было и без того весьма скромным¹³.

В 1894 г. в ОКЖ признавали, что хотя в действующем законодательстве и нет указаний на производство нижним чинам добавочного квартирного довольствия, тем не менее, «принимая во внимание, что существующий оклад... для нижних чинов ГЖУ весьма недостаточен... большая часть губернских и уездных городов империи производит нижним чинам добавочные квартирные деньги в размере действительной стоимости квартиры с отоплением и освещением»¹⁴.

Размер добавочных выплат никак законодательно не закреплялся и во многом зависел от бюджета конкретно взятого города и реальных цен на жилье. Упомянутый выше полковник Энгельгардт в том же 1885 г. отмечал, что «относительно

¹¹ Правила ведения хозяйства в частях и управлениях Отдельного корпуса жандармов. С. 20.

¹² Отчеты о состоянии разных ГЖУ за 1885 г. // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2005. Л. 116.

¹³ См.: Переписка по квартирному довольствию чинов Корпуса жандармов // Там же. Оп. 5. Д. 242. Л. 31, 33 об.

¹⁴ Там же. Л. 47–47 об.

квартирного довольствия встречается большое разнообразие, так что если в иных местах оно оказывается достаточным, то в других нижним чинам приходится доплачивать за квартиру из своих средств. В Самаре, Оренбурге и Миасском заводе отпускаемых квартирных денег 8 рублей оказывается вполне достаточно. Но на остальных местах нижние чины расходуют на квартиры с отоплением более положенного довольствия. Так, в Уфе отпускается на квартиру 2 руб. 50 коп., а расходуется унтером до 4 руб., в Челябинске отпускается 5 руб., а расходуется 8» и т. д.¹⁵

В самом конце XIX в. размеры квартирного довольствия были пересмотрены в сторону повышения, вместе с тем увеличилось и количество разрядов местностей, которых стало 9. Годовой оклад нижнего чина по новым условиям составлял от 36 до 120 руб. Однако это имело краткосрочный эффект и в скором времени все вернулось на круги своя.

Что касается железнодорожных жандармских чинов, то они размещались в станционных зданиях, а в случае отсутствия таковых — в наемных квартирах, расположенных в непосредственной близости от линии железных дорог. «Вообще, насчет расквартирования нижних чинов, — писал начальник Воронежского ЖПУ ж. д. в штаб ОКЖ в 1885 г., — не существует определенного положения, так как при выдаче концессий на постройку новых линий железных дорог не упоминается ни о квартирах нижних чинов, ни о размерах таковых»¹⁶. В отличие от офицеров ЖПУ ж. д., нижним жандармским чинам, служившим в тех же подразделениях, закон изначально не предусматривал квартирные оклады из казны. Власти целиком и полностью переложили это бремя на общества железных дорог, которые в обязательном порядке должны были размещать их в станционных зданиях. Однако на практике, как упоминалось выше, таких помещений не хватало, вследствие чего железнодорожная администрация вынуждена была выделять унтер-офицерам средства для аренды ими квартир по «вольным» ценам — по сути тот же квартирный оклад, что нашло отражение в официальном делопроизводстве. Заметим, что подобный порядок оставался неизменным и в начале XX столетия¹⁷.

По имевшимся в распоряжении шефа жандармов статистическим данным, на 31 мая 1886 г. «только 43 офицера пользуются квартирами в натуре и 1828 унтер-офицеров помещаются на станциях, а 99 офицеров и 1062 унтер-офицера взамен квартир натурой получают квартирные деньги, на что расходуется ежегодно 185 152 руб. 77,5 коп., в том числе на долю частных обществ приходится 159 147 руб. 25,5 коп., а 26 005 руб. 52 коп. падают на счет казны»¹⁸.

Конечно, общества железных дорог тяготились содержанием на линиях большого количества чинов жандармско-полицейского надзора, главным образом затратами на их квартирное обеспечение. В 1880-х гг. Министерство путей сообще-

¹⁵ Отчеты о состоянии разных ГЖУ за 1885 г. // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2005. Л. 115 об. — 116.

¹⁶ Там же. Л. 575.

¹⁷ См., например, Порядок ведения хозяйства в частях и управлениях Отдельного корпуса жандармов. С. 15.

¹⁸ По вопросу министра путей сообщения о сокращении числа унтер-офицеров жандармских полицейских управлений на малоодоходных железнодорожных станциях, а также об изменении способа разверстки между железными дорогами причитающихся сумм по содержанию жандармского надзора и об установлении размера квартир чинам жандармских железнодорожных управлений // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1919. Л. 299 об. — Из казны оплачивалось квартирное довольствие лишь офицеров и только тех, кто не служил на частных железных дорогах.

ния (МПС) развернуло широкую кампанию за сокращение количества жандармов на железных дорогах. В марте 1885 г. ведомство выступило с инициативой о преобразованиях в организации ЖПУ ж. д. Так, предлагалось сократить число унтер-офицеров «снятием их с таких железнодорожных станций, на которых в год проезжает менее 4 тысяч пассажиров, а валовый доход грузового движения не доходил до 20 тысяч рублей»¹⁹. По задумке МПС численность нижних чинов следовало привязать не к общей протяженности той или иной железной дороги, а к получаемому ею доходу. По понятным причинам подобная инициатива вызвала резкий протест со стороны МВД и ОКЖ, посчитавших, что МПС в стремлении сэкономить принимало во внимание лишь станционный характер деятельности жандармов, игнорируя при этом жандармский надзор путей, идущих к соседним станциям. Несмотря на взаимные возражения ведомств и встречавшееся сопротивление, подобные проекты продолжали рассматриваться вплоть до конца XIX в., однако конкретных решений по ним принято так и не было. Известный писатель Леонид Андреев в 1903 г. опубликовал рассказ «На станции», где в сатирической манере вывел образ скучающего в провинциальной глуши жандармского унтер-офицера, который служит на тихоходной станции и в желании хоть чем-то себя занять принимает участие в строительстве нового здания железнодорожного вокзала.

В обязанности местных властей по отношению к жандармским управлениям входило обеспечение их помещением для нужд канцелярии, а также размещения архива и цейхгауза. В зависимости от имевшихся у города возможностей его можно было отвести натурой либо компенсировать расходы по найму и дальнейшему содержанию. Чаще использовался второй вариант. «Положение о Корпусе жандармов» 1867 г. устанавливало, что в городах, где квартирная натуральная повинность заменена денежной, выплаты из местного бюджета для аренды подходящего под канцелярию помещения должны составлять не менее 300 руб. В мае 1876 г., как упоминалось ранее, для расчета казенного квартирного оклада территория страны была поделена на пять разрядов местностей. Этот закон распространялся в том числе и на выплату сумм, потребных для аренды помещения под канцелярию. Размер полагавшегося оклада в зависимости от региона составлял 400–600 руб. для ГЖУ и ЖПУ ж. д. и 175–400 руб. для помощников начальников ГЖУ и ЖПУ ж. д. в уездах и на станциях²⁰.

В конце XIX — начале XX в. суммы, предусмотренные государством для аренды помещений под канцелярии, уменьшились, поэтому основное бремя легло на плечи местных властей.

Дополнительные выплаты. В Корпусе жандармов существовала серия дополнительных выплат. К ним, в частности, относилось командировочное довольствие, включавшее прогонные и кормовые (суточные) деньги. Прогонные исчислялись по количеству лошадей и верст и отпускались в зависимости от чина: генералу на 6 лошадей, штаб- и обер-офицерам на 4 и 3 соответственно. Размер суточных денег, предназначавшихся жандармам для производства дознаний за пределами вверенных им участков, с 1903 г. составлял 30 коп. для обер-офицеров и 60 коп. для штаб-офицеров. Для поездки к новому месту службы жандармскому офицеру полагалось подъемное пособие в размере 200 руб., если он был женат, и 150 руб. холостому.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1919. Л. 17.

²⁰ См.: Положение о преобразовании воинской квартирной повинности. С. 78.

В начале XX в. при перемещении или назначении жандармских офицеров на должность начальника ГЖУ Департамент полиции «по особым уважениям» из секретных сумм выплачивал им подъемное пособие 250–400 руб.²¹, которое предназначалось для перевозки семьи штаб-офицера к новому месту службы, а также его имущества. В своих прошениях жандармы указывали, что личными средствами для осуществления переезда они не располагают, а выделяемое казной путевое пособие расходов не покрывает. Что касается начальников нештатных охранных отделений, то при назначении и переводах на эти должности, «ввиду неимения ими права на путевое пособие от казны, положено выдавать в виде подъемных денег из секретной суммы Департамента полиции семейным 200 руб., холостым 150 руб.»²². В годы Первой мировой войны жандармским чинам выплачивались порционные деньги.

Каждому офицеру, занимавшему должность помощника начальника ГЖУ и возглавлявшему дополнительный штат в уездах, полагались фуражные деньги из расчета на двух упряжных лошадей по справочным ценам. Они отпускались каждую треть года. Данный вид расходов предназначался для осуществления служебных поездок по территории уездов, подведомственных их наблюдению. «Положением о Корпусе жандармов» 1867 г. и циркуляром штаба ОКЖ от 12 декабря 1886 г. определялось, что помощники начальников ГЖУ должны объезжать местности, в которых сосредоточена деятельность подведомственных им унтер-офицеров, не менее шести раз в год. На каждую лошадь ежемесячно полагалось 6 пудов 17 $\frac{3}{4}$ фунтов овса и 15 пудов сена. К примеру, в 1909 г. в Воронежской губернии пуд овса стоил 62 коп., пуд сена — 40 коп. Учитывая, что экипаж (бричка) офицера был запряжен двумя лошадьми, фуражных денег, таким образом, ежемесячно требовалось не менее 20 руб.²³ Аналогичная сумма фуражных денег выделялась, например, помощнику начальника Киевского ГЖУ в 1902 г.²⁴ Естественно, цены на фураж не были постоянными и менялись в зависимости от сезона.

На рубеже XIX и XX вв. с развитием и введением на территории Европейской России в строй большого количества железнодорожных сетей в приоритете оказывался именно железнодорожный вид транспорта. Его использование способствовало повышению мобильности жандармских чинов, поскольку позволяло им всего лишь за один день добраться из губернского города в уездный и вернуться обратно. Каждое ГЖУ имело в своем распоряжении определенное количество льготных билетов 2-го класса на предъявителя, которыми их снабжал Департамент полиции на все железнодорожные линии, проходившие по территории конкретного региона. Жандармский офицер, осуществляя поездку в вагоне 2-го класса, оплачивал ее по тарифу 3-го.

Несмотря на это, добраться во многие отдаленные или обойденные железнодорожной линией местности по-прежнему было возможно лишь по грунтовым дорогам, поэтому жандармские чины во время служебных разъездов активно пользовались земскими лошадьми за полагавшиеся им прогоны. В начале XX в. на одну по-

²¹ О назначении пособий чинам Отдельного корпуса жандармов // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 30. 1910 г. Д. 47. Л. 3.

²² Там же. Л. 6.

²³ Требовательные ведомости на выдачу фуража помощникам начальника ВГЖУ // ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 581, 582.

²⁴ См.: О пересмотре штатных окладов содержания, присвоенных чинам Отдельного корпуса жандармов, и об их увеличении // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2474. Л. 238.

добную поездку в Воронежской губернии расходовалось от 20 до 50 руб., на основании чего начальник местного ГЖУ заключал: «Поездки офицеров не дешевы»²⁵.

Все перечисленные начисления и бонусы, пусть и незначительные в отдельности, вместе взятые, представляли солидную сумму, способствуя увеличению годового содержания офицера. Подсчитав все виды постоянных и временных выплат, предназначавшихся жандармским чинам, получаем цифру 14.

Хорошо ли жил жандарм? Сравнение окладов с ценами на продукты питания и товары первой необходимости в дореволюционной России показывает, что в общем материальное положение жандармов находилось на достойном уровне. Конечно, следует учитывать то немаловажное обстоятельство, что жандармский офицер являлся единственным представителем в своей семье, кто работал и получал за это деньги, поэтому выплачиваемое на службе содержание следует делить на всех членов семьи. Если говорить о такой категории, как пропитание, в среднем на одного едока в месяц требовалось не менее 15 руб. Тем самым, анализируя цифры содержания, приходим к выводу, что большинство жандармских офицеров чувствовали себя в материальном плане независимо, уверенно обеспечивая свои, как правило, немногочисленные семьи и удовлетворяя их основные потребности.

При сравнении номинального жалования жандармского офицера с денежным окладом равных по значению полицейских чиновников (полицмейстера и уездного исправника) видим, что они практически равны. Однако с учетом добавочных денег, полагававшихся даже младшему жандармскому офицеру, и серии дополнительных выплат реальный размер его содержания был в несколько раз выше. Эту тенденцию отмечали еще исследователи Третьего отделения²⁶. К тому же жандармы имели больше возможностей для ощутимой экономии. Им, например, отпускались деньги для найма гражданских слуг, услуги которых не требовалось оплачивать из своего кармана. Наряду с домашней прислугой, наиболее зажиточные жандармские семьи позволяли себе содержание гувернантки или учителя, осуществлявших воспитание детей младшего возраста и их подготовку к поступлению в учебные заведения.

Отметим, что для жандармских чинов действовала не только система начислений, но и вычетов, носивших как обязательный (на госпиталь, медикаменты, в пенсионный и инвалидный капиталы, в эмеритуру), так и добровольный характер. Широкий отклик в жандармской среде находили крупные военные конфликты. Так, в 1904–1905 гг. офицерские и нижние чины отчисляли 1% с получаемого ими содержания «на усиление военного флота в России и другие военные надобности по ведению войны с Японией». Наибольший процент добровольных вычетов ожидаемо пришелся на Первую мировую войну. Размер отчислений из получаемого содержания составил 2% для офицеров и 1% для нижних чинов. Часть этих денег шла на организацию и содержание госпиталя «имени чинов Отдельного корпуса жандармов»²⁷. Однако в условиях повсеместной дороговизны подобные вычеты, осуществлявшиеся на регулярной основе, серьезно били по карману наименее за-

²⁵ Рапорты начальника ВГЖУ о работе жандармской сети в Воронежской губернии // ГАВО. Ф. И–1. Оп. 2. Д. 986. Л. 2.

²⁶ См., например: Чукарев А. Г. Тайная полиция России, 1825–1855 гг. М., 2005. С. 133.

²⁷ С перепиской об отчислении из получаемого содержания чинами жандармских частей и управлений Корпуса жандармов на оказание помощи больным и раненым воинам // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 5. Д. 1140. Л. 69.

щищенной категории жандармских служащих — нижних чинов. В декабре 1915 г. штаб ОКЖ, видимо, учитывая поступавшие сигналы с мест, в циркулярном обращении к начальникам жандармских частей просил их пересмотреть вопрос об участии нижних чинов в оказании помощи больным и раненым воинам, а также в приобретении подарков для Действующей армии, так как «участие это может быть только добровольным, а отнюдь не обязательным»²⁸.

Уровень жизни в огромной по масштабу Российской империи имел региональные особенности. Самым дорогим городом был столичный Петербург. Несколько дешевле жилось в Москве и Одессе, но на порядок дороже, чем, например, в губернском Воронеже. Наиболее доступными жизненные блага были в уездных городах.

подавляющее большинство жандармских чинов, как и в целом население Российской империи, проживало в провинции.

О бедном жандарме замолвите слово... Во избежание чрезмерной идеализации благосостояния жандарма отметим, что после принятия Положения 1867 г. и установления новых окладов содержания до конца XIX в. денежное довольствие не пересматривалось, оставаясь на прежнем уровне. Таким образом, в течение 35 (!) лет в этой области наблюдалась стагнация. Уже в 1870–1880-х гг. ощущалась нехватка денежных средств, что приводило к финансовым затруднениям сотрудников ведомства.

Назревшие по времени и долгожданные для жандармских чинов пересмотр и увеличение окладов содержания состоялись летом 1901 г. Это событие явилось логическим продолжением монаршей милости, в соответствии с которой в январе 1901 г. Высочайшим повелением учреждался профессиональный праздник — День жандарма, отмечать который отныне предстояло ежегодно 6 декабря²⁹. Работа по пересмотру и повышению денежных окладов шла в течение нескольких лет. Еще 12 февраля 1898 г. император распорядился увеличить штатные оклады содержания «сообразно современным условиям жизни» всем чинам ОКЖ и создать специальную комиссию для выработки соответствующего проекта. Однако отставка И. Л. Горемыкина с поста министра внутренних дел затормозила этот процесс³⁰. Не последнюю роль в этом сыграло повышение окладов в армии, состоявшееся в 1899 г., в свете чего средств государственного бюджета на одновременное улучшение материального положения и жандармов, и военных чинов просто-напросто не хватило. Несмотря на то что сумму, потребную на эти цели, чрезмерной никак не назовешь, при проектировании ее размер колебался от 500 до 800 с небольшим тысяч рублей. Для сравнения: на масштабную реформу полиции, которую так и не удалось осуществить после Первой русской революции, требовалось 50 млн руб.³¹

²⁸ Циркуляры, инструкции и другие руководящие указания Отдельного корпуса жандармов о порядке оценки службы офицеров, об их поведении и этике, об утверждении сметы денежных оборотов. Приказания по ВГЖУ // ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 439. Л. 50–51 об.

²⁹ См.: Переписка о порядке ведения денежной отчетности, об увольнениях, учебной стрельбе. О назначении нового помощника начальника Московского ГЖУ в Московском и Звенигородском уездах, циркуляр начальника Московского ГЖУ о необходимости добиваться согласованных действий служащих различных полицейских служб и администрации в губерниях // ГАРФ. Ф. 58. Оп. 8. Д. 1396. Л. 1.

³⁰ См.: О пересмотре штатных окладов содержания, присвоенных чинам Отдельного корпуса жандармов, и об их увеличении // Там же. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2474. Л. 183.

³¹ См., например: *Кафафов К. Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 86.

Важную роль в затягивании этого процесса сыграло мощное лобби в лице военного ведомства, выразителем которого выступил министр финансов С. Ю. Витте. По его мнению, изложенному в письме от 5 июля 1901 г. на имя министра внутренних дел Д. С. Сипягина, «материальное положение чинов Отдельного корпуса жандармов при получаемом ими ныне содержании не может считаться недостаточным и вообще менее обеспеченным по сравнению со строевыми офицерами армии, а также многими другими чинами, состоящими на службе по другим ведомствам», в то время как «служба в строю для громадного большинства наших офицеров все-таки представляется менее благоприятною по сравнению с чинами Корпуса жандармов»³². С. Ю. Витте был убежден, что «при наличности одной только внешней связи Корпуса жандармов с Военным ведомством, выражающейся исключительно в военной организации сего Корпуса, <...> было бы более правильным предназначать для каждой должности по Корпусу жандармов особые оклады содержания по соображению с объемом лежащих на каждой должности обязанностей»³³.

Как известно, именно армия в пореформенный период стала «колыбелью» жандармских кадров. Вместе с тем в исследовательской и мемуарной литературе неоднократно высказывалась мысль, что в армейской среде жандармов недолюбливали, а их службу презирали. На наш взгляд, причины армейского неприятия «синего мундира» кроются и в иной плоскости. В условиях снижения престижности строевой службы (в том числе из-за ряда военных неудач), недостаточности денежного содержания младшего и среднего офицерского состава, крайне медленного чинопроизводства русская армия столкнулась с оттоком молодых офицеров из своих рядов, искавших лучшей доли и, как следствие, с неукомплектованностью личного состава. Служба в Корпусе жандармов, на которую многие молодые офицеры смотрели как на достойную альтернативу рутинному армейскому быту, вызвала у руководства военного ведомства зависть, раздражение и неприкрытую враждебность. В том же письме С. Ю. Витте признавался, что военное ведомство в последнее время сделало многое для материального обеспечения строевых офицеров, которых, несмотря на это, по-прежнему не хватает. Таким образом, задержка в повышении денежных окладов для жандармских чинов носила во многом сознательный характер и была вызвана желанием группы министров нивелировать финансовую привлекательность жандармской службы для молодых армейских офицеров.

15 августа 1901 г. император Николай II «в милостивой заботливости о материальных нуждах чинов Отдельного корпуса жандармов» утвердил представленный шефом жандармов и министром внутренних дел Д. С. Сипягиным Всеподданнейший доклад об увеличении их окладов содержания³⁴. В среднем содержание офицеров ОКЖ увеличилось на 36 % (см. табл. 1 и 2). Выплату новых окладов предстояло начать с 1 января 1902 г. Об этом высочайшем повелении жандармы узнали 6 декабря 1901 г., что было весьма символично.

При проектировании новых окладов содержания разработчики по-прежнему учитывали характер жандармской службы, вследствие которой служащие должны

³² О пересмотре штатных окладов содержания, присвоенных чинам Отдельного Корпуса жандармов, и об их увеличении // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2474. Л. 126, 129.

³³ Там же. Л. 131–131 об.

³⁴ ПСЗ РИ. Собр. III, т. 21, отд. 1, № 20618.

были находиться в постоянном общении с местной администрацией и обществом, поэтому понимали важность сохранения расходов на представительство — «не ради собственного удовлетворения, а исключительно для надобности их специальной службы»³⁵. Однако в 1901 г., наряду с повышением окладов, произошла отмена начислений добавочных денег, предназначенных как раз для представительских расходов. По всей вероятности, компенсировать отсутствие добавочного довольствия были призваны столовые деньги, общий размер которых увеличился в несколько раз. Сделать это оказалось непросто, поскольку против такого увеличения выступал министр финансов С. Ю. Витте. Важным нововведением стало и то, что отныне столовые деньги полагались всем жандармским офицерам, в том числе и помощнику начальника ГЖУ. Также в сторону увеличения было пересмотрено ассигнование средств на канцелярские и секретные расходы. Ранее (1898 г.) по военному ведомству повысили квартирные оклады.

В ходе изучения динамики изменения уровня содержания жандармских чинов в пореформенный период выявлено, что, в отличие от офицеров, нижним чинам гораздо чаще увеличивали размер жалованья. Их оклады за указанный период времени пересматривались четырежды (против одного у офицеров). Это обуславливалось, с одной стороны, их численным преобладанием в составе ОКЖ, поскольку во многом именно от них зависел успех наблюдательной деятельности, с другой стороны, низкой социальной защищенностью данной категории служащих, так как для них не предусматривалась возможность участия в заемном капитале, кассах взаимопомощи, санаторном лечении и т. д.

При образовании ГЖУ нижним чинам был положен месячный оклад в 8 руб. 40 коп. В 1871 г. он увеличился до 10 руб. Аналогичные суммы выплачивались и тем, кто служил в ЖПУ ж. д. Как отмечали в штабе ОКЖ, «по истечении нескольких лет (после 1867 г. — А. П.) дороговизна жизни настолько возросла, что [годовой] оклад 120 рублей оказался далеко недостаточным для обеспечения самых насущных потребностей жандармского унтер-офицера, поэтому для удержания на службе лучших людей» в 1875 г. увеличили штатное жалованье унтер-офицерам ЖПУ ж. д. до 180 руб. (15 руб. в месяц), а их коллегам из дополнительного штата ГЖУ, чтобы добиться такой же цифры, стали начислять добавочное жалованье 60 руб. в год «из особой суммы, ассигнованной по интендантской смете в распоряжение шефа жандармов»³⁶. На законодательном уровне это было закреплено в 1885 г. Тогда же из числа унтер-офицеров была учреждена должность вахмистра ГЖУ с годовым окладом в 240 руб. (20 руб. в месяц).

Несмотря на принятые со стороны властей меры, материальное обеспечение нижних жандармских чинов продолжало оставаться недостаточным. Как следствие, к концу XIX в. многие из них, оказываясь «не в состоянии удовлетворить насущные потребности семьи, зачастую бывают вынуждены оставлять службу и изыскивать средства к более обеспеченному существованию»³⁷. Это крайне пагубно отражалось на кадровой политике жандармского ведомства, поскольку недостаточность получаемого на службе нижними чинами содержания затрудняла

³⁵ См.: О пересмотре штатных окладов содержания, присвоенных чинам Отдельного корпуса жандармов, и об их увеличении // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2474.

³⁶ Там же. Д. 2473. Л. 5.

³⁷ Там же. Л. 5 об.

комплектование штата соответствующими людьми. Генерал-майор И. Н. Познанский в отчете об инспекторском смотре подведомственного ему Нижегородского ГЖУ за 1884 г. справедливо указывал: «Вознаграждение, получаемое жандармскими нижними чинами сравнительно с жалованьем, ныне предлагаемым за исполнение должностей рассыльных, сторожей, дворников, швейцаров и прочих, слишком мало, чтобы отставные и запасные нижние чины решались без особенных причин поступать в жандармы, то есть в службу для них... не особенно соблазнительную уже потому, что они, состоя в ней, стеснены правилами воинской дисциплины, подлежат не гражданскому, но военному суду и рискуют при увольнении из службы за проступки получить такую отметку в своих документах, с которыми они потом несомненно найдут кусок хлеба»³⁸.

Тезис о несоответствии получаемого унтер-офицерами жалования прожиточному минимуму И. Н. Познанский подкреплял статистикой: «В Нижнем [Новгороде] довольствие одного человека обходится в данное время от 30 до 40 копеек в сутки, следовательно от 9 до 12 рублей в месяц. Таким образом, очевидно, что семейному жандарму существовать на получаемое содержание немислимо. Средний дневной заработок жандармской жены можно определить в 30 копеек, но и это при условии, если у нее немного детей и они в возрасте, не требующем постоянного материнского ухода за ними»³⁹.

Десятилетие спустя ситуация несколько не изменилась, и слова И. Н. Познанского во многом повторяли уже его коллеги из других жандармских управлений. Во весь рост стояли те же проблемы: низкая привлекательность службы и высокая текучка кадров. «Отсутствие в числе поступающих хорошо развитых унтер-офицеров объясняется тем, — писал в отчете за 1895 г. начальник Кременчугского ЖПУ ж. д., — что они находят службу в учреждениях, более обеспечивающих их в материальном отношении. К сожалению, наиболее развитые и грамотные старые унтер-офицеры, прослужившие в Корпусе 10 и более лет, также начали оставлять жандармскую службу, переходя почти исключительно в акцизное ведомство, в котором с введением казенной продажи спиртных напитков открылось много должностей с хорошим содержанием. Наших унтер-офицеров акцизное ведомство охотно принимает на службу, предлагая им хорошие места, так как продолжительная служба в Корпусе жандармов вполне гарантирует нравственность и честность служащего»⁴⁰. В числе мер, предпринимаемых для улучшения материального положения, был отвод при железной дороге небольших земельных участков для огородов. Однако на крупных городских станциях из-за недостатка отчужденной земли нижние чины были лишены и этой возможности⁴¹.

³⁸ Отчеты разных губернских жандармских управлений об инспекторских смотрах // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1949. Л. 252–252 об. — В подтверждение слов жандармского генерала приведем оклады служителей дома штаба ОКЖ в Петербурге за 1896 г.: четверо дворников получали по 15 руб. в месяц, два коچهгара — по 23 и 17 руб., два истопника и один вахтер — по 25 руб. (см.: О производстве расходов из вспомогательной суммы Штаба на добавочное содержание // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 5. Д. 407. Л. 2–3, 10). Как видим, жалование некоторых служителей по своему размеру даже превышало унтер-офицерские оклады.

³⁹ Отчеты разных губернских жандармских управлений об инспекторских смотрах // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1949. Л. 254–254 об.

⁴⁰ С годовыми отчетами о состоянии частей и управлений Корпуса жандармов за 1895 г. // Там же. Д. 2368. Л. 705 об.

⁴¹ Там же. Л. 708.

В начале XX в. оклад нижних жандармских чинов увеличивался дважды (в 1901 и 1906 гг.), что в общей сложности позволило повысить его размер более чем вдвое. Новшеством стало ранжирование унтер-офицерского состава по разрядам (квалификациям). Всего их было три, каждому из которых соответствовал свой оклад: унтер-офицер младшего разряда ежемесячно получал 15 руб. (1901 г.) и 25 руб. (1906 г.), среднего — 20 руб. и 30 руб., старшего — 25 руб. и 35 руб. соответственно. При этом удельный вес нижних чинов среднего и старшего разрядов должен был составлять по 25 % от общего численного состава, младшего — 50 %. Оклад вахмистра сначала был увеличен до 30 руб., позднее — до 45. По мнению властей, при учреждении разрядов для нижних чинов на первый план выходила мотивационная составляющая, поскольку делалось это с целью «отличить и выделить лучших слуг из унтер-офицеров Корпуса жандармов и поощрить их деятельность и дальнейшее соревнование на поприще многотрудной службы»⁴². Повышение жалованья нижним жандармским чинам во время Первой русской революции было вызвано многочисленными рисками, которые они несли в ходе своей служебной деятельности, являясь очень удобными мишенями для террористов. По данным делопроизводственной документации штаба ОКЖ, за период 1905–1908 гг. от рук злоумышленников погибли 152 унтер-офицера⁴³.

Регулярная финансовая поддержка жандармских чинов со стороны государства вызывала скрытую зависть у их ближайших коллег из числа полицейских. Так, в 1909 г. в журнале «Вестник полиции» вышла статья с весьма характерным названием «Сыновья и пасынки», в которой автор сравнивал условия материального положения жандармской и общей полиции. «Жизнь жандармского унтер-офицера обставлена так, что ей завидует каждый гороховый. Если гороховому удастся перейти в жандармы, то он считает себя устроившимся, о высшем счастье он и не мечтает. Хороший оклад содержания, дающий возможность жить не впроголодь, прекрасная обмундировка, тройной против горохового квартирный оклад и легкая, почти самостоятельная служба, чего еще надо? — восклицал автор. — В будущем, по окончании службы, опять заманчивая обеспеченность, тысяча рублей от казны за то, что послужил. Такая постановка, естественно, заставляет дорожить службой. Случаи, чтобы жандармский унтер-офицер оставил ее, крайне редки, служат они пока не окончат ее. Посмотрите на любого унтер-офицера, лицо его довольное, он проникнут сознанием собственного достоинства, речь уверенная с известным апломбом. Жизнь, например жандарма при станции, такая, что ей позавидует и помощник пристава: он сила, он власть, перед ним все даже заискивают. И живет он и служит спокойно, работы немного, одет он в красивую форму и всегда хорошо: сыт и доволен, имеет хорошее помещение и по делам службы действия его ровны и выдержаны»⁴⁴.

Дополнительный доход. Возможности для дополнительного заработка у жандармов были весьма ограничены. К примеру, легальных доходов от личной соб-

⁴² О пересмотре штатных окладов содержания, присвоенных чинам Отдельного корпуса жандармов, и об их увеличении // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2474. Л. 121.

⁴³ О доставлении сведений о чинах Корпуса убитых, умерших от ран и раненых при злодейских покушениях за время с 1905 года для занесения этих сведений на траурную доску // Там же. Оп. 2. Д. 14636. Л. 1–9 об., 10–12.

⁴⁴ Вестник полиции. 1909. № 49. С. 1111.

ственности в пореформенную эпоху они практически не получали. Прежде всего это происходило по причине бедности. Анализ послужных списков позволяет судить об отсутствии за редким исключением в их рядах землевладельцев или хозяев недвижимого имущества, из чего следует, что получаемое на службе содержание — единственный источник дохода. Обеднение дворянства в пореформенный период стало тенденцией общественно-экономической жизни России, что обращало на себя внимание современников, видевших в этом серьезную угрозу. Так, Э. И. Стогов, в 1830-х гг. служивший жандармским штаб-офицером в Симбирске, на закате своей жизни, подчеркивал принципиальное отличие двух эпох в России: «Обращаясь к своей юности, воображаю себя в настоящее время. Сын старой дворянской фамилии, служилого рода, но сын хотя честнейшего, но бедного отца, не имеющего средств уделить десяти рублей на науку для сына, — что бы со мною было в настоящее время? Дорога только в коммунисты!»⁴⁵. Вину за происходящее Стогов отчасти перекладывал на государство: «Теперь, может быть, и не было бы странно это, но тогда (до эпохи Великих реформ. — А. П.) бедного дворянина не отличали от дворянина богатого, и сын бедного дворянина заботами правительства делался полезным слугою отечеству и государю»⁴⁶.

Кроме того, сам характер служебной деятельности, сопряженной с постоянной ротацией личного состава и перемещением из одного региона в другой, не способствовал получению дополнительных доходов. Еще с начала 1830-х гг. было взято за правило, что жандармский штаб-офицер не назначался в ту губернию, выходцем которой он являлся или где находилось его родовое имение. Ведь по долгу службы жандарм — сторонний наблюдатель.

Среди нижних чинов сложилась обратная ситуация. Унтер-офицеры являлись уроженцами того региона (реже соседнего), в котором протекала их служба, поэтому нередко в их числе встречаются домовладельцы. Например, начальник Воронежского ГЖУ полковник К. К. Хартулари, проводя в 1892–1893 гг. инспекторские смотры подведомственного ему управления, информировал штаб ОКЖ, что «некоторые из унтер-офицеров имеют небольшие собственные дома, так что получаемые квартирные деньги дают им возможность улучшить свой материальный быт»⁴⁷. Также собственные дома в г. Златоусте, по данным на 1885 г., имели три унтер-офицера Уфимского ГЖУ⁴⁸, а в Вологодском ГЖУ, судя по отчету его начальника за 1887 г., домовладельцами были большинство нижних чинов⁴⁹.

Схожей была ситуация и в начале XX в. Так, по данным на апрель 1914 г., унтер-офицер Г. Кондратюк владел в Воронеже двухэтажным домом с флигелем на дворе. В доме располагались пять отдельных квартир, одну из которых занимал он сам вместе с многочисленной семьей (жена и пятеро детей в возрасте от 5 до 14 лет), остальные четыре квартиры и флигель сдавались, что приносило ежемесячную прибыль не менее 35 руб. В рапорте полицейского пристава в ноябре 1916 г. на имя

⁴⁵ Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003. С. 60–61. — Воспоминания Стогова впервые были опубликованы в конце 1870-х гг.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ С годовыми инспекторскими отчетами о состоянии частей Отдельного корпуса жандармов за 1893 г. // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2280. Л. 81 об.

⁴⁸ Отчеты о состоянии разных ГЖУ за 1885 г. // Там же. Д. 2005. Л. 115 об.

⁴⁹ С представлениями годовых отчетов в штаб Корпуса жандармов о состоянии разных ГЖУ за 1887 г. // Там же. Д. 2050. Л. 6.

начальника Воронежского ГЖУ сообщалось, что 46-летний жандармский унтер-офицер Иван Решетов имеет в одном из районов города собственный одноэтажный деревянный с каменным фундаментом и покрытый железом дом, приобретенный им еще в декабре 1912 г. за 1350 руб. В доме есть три комнаты, а также передняя и кухня. К нему примыкает небольшая усадьба, имеющая 8 сажен в ширину и 16 сажен в длину. Семья Решетова довольно многочисленная: помимо него и жены, есть четверо детей в возрасте от 9 до 17 лет. Несмотря на это, они довольствуются лишь одной комнатой и передней. Остальные две вместе с кухней сдают квартирантам, которые приносят им ежемесячный доход в размере 21 руб.⁵⁰

Несмотря на приведенные примеры, подобные случаи не носили среди унтер-офицеров массовый характер. К тому же документы жандармского делопроизводства начала XX в. фиксируют несение службы нижними чинами за пределами города, в котором проживала семья и находилась их недвижимость. Тем самым обстоятельства служебной деятельности принуждали их жить на два дома и приводили к увеличению личных расходов.

Пусть ограниченные, но возможности для дополнительного заработка жандармы все-таки имели, и они, как правило, были связаны со служебной деятельностью. К наиболее распространенным относилась экономия на прогонных деньгах. Так, железнодорожным жандармам солидный доход приносили прогонные деньги, которые выдавались за поездки по служебной необходимости, например в суд в качестве обвинителей по тому или иному делу. Ежегодный доход от таких поездок мог составлять 600–700 руб.⁵¹ Также возможность подзаработать на прогонных деньгах появлялась у тех провинциальных офицеров, кто по служебной необходимости направлялся в Петербург. Проездом оказавшись в Москве и зайдя в местное охранное отделение, они получали от его начальника бесплатный железнодорожный билет на предъявителя. Как правило, никому не отказывали: «Таких билетов в моем распоряжении была целая куча, — вспоминал начальник Московского охранного отделения А. П. Мартынов. — Обычно на каждую железную дорогу... один билет 1-го класса, один или два билета 2-го класса и два или три — 3-го класса»⁵².

Некоторые виды дополнительного заработка носили характер вознаграждения. Оно было тем крупнее, чем состоятельнее был источник финансирования и чем больше оказывался вклад жандарма в развитие того или иного дела. В числе источников финансирования были коммерческие общества, развернувшие свою деятельность вблизи частных железных дорог. Так, в 1915 г. контора зернохранилищ в Воронежско-Тамбовском регионе за «обслуживание элеваторов» вознаградила пять офицеров, включая начальника Воронежского ЖПУ ж. д., в общей сложности 611 руб.⁵³ Полицейская деятельность железнодорожных жандармов активно поощрялась Департаментом полиции. К примеру, весной 1915 г. начальник Новочеркасского отделения Воронежского ЖПУ ж. д. подполковник М. В. Заглухинский

⁵⁰ Документы (рапорты, санитарные билеты, переписка) о болезнях работников ВГЖУ // ГАВО. Ф. И–1. Оп. 3. Д. 210. Л. 69–69 об.

⁵¹ См., например: Поляков А. М. Записки жандармского офицера // Жандармы России. СПб.; М., 2002. С. 528.

⁵² Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска: в 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 353.

⁵³ Приказы начальника Воронежского жандармского полицейского управления железной дороги // ГАВО. Ф. И–213. Оп. 1. Д. 1. Л. 216.

получил 200 руб. «за умелое руководство розыскной деятельностью подведомственных ему нижних чинов и умение в них развивать любовь к розыску»⁵⁴.

Регулярной практикой материальных поощрений во второй половине XIX в. выступали денежные вознаграждения по Высочайшему повелению за усердно-ревностную службу в размере полугодового содержания с занесением в послужной список офицера. Однако времена действительно крупных, подчас чрезмерных, вознаграждений, когда в 1830–1840-х гг. жандармский офицер мог по приказу императора получить 1 тыс. руб. наградных и даже 100 тыс. за содействие в разоблачении и ликвидации крупной шайки контрабандистов⁵⁵, остались в прошлом.

Возможность подзаработать на постоянной основе с 1906 г. появилась у губернских жандармов. Во время Первой русской революции в регионах Европейской России была учреждена полицейская стража, губернским инспектором которой назначался начальник ГЖУ, а его помощники и адъютант ГЖУ — офицерами, отвечавшими за обучение стражников в уездах. Новые должности, по сути, не сильно обременяя офицеров, позволили им получить существенную прибавку к ежегодному содержанию: начальнику ГЖУ — 300 руб., остальным офицерам — по 200 руб. В данном случае источником финансирования выступало губернское правление.

Нижние чины с разрешения начальства имели возможность принимать вознаграждения от правительственных лиц или учреждений. В архивных документах такие случаи фиксируются в большом количестве, например, в 1906 г. от рязанского губернатора 15 руб. за содействие чинам полиции по наблюдению за порядком в г. Данков; от старосты с. Люберцы 5 руб. за поимку мастерового, проводившего в селе революционную агитацию; от поверенного завода «Сименс» по 5 руб. четырем унтер-офицерам за охрану подводных лодок в Либаве⁵⁶.

Однако далеко не все источники дополнительного заработка прослеживаются документально. К ним относятся те, что были связаны со злоупотреблением служебным положением. По «Положению о Корпусе жандармов» 1867 г. каждому начальнику ГЖУ сверх определенного штатным расписанием содержания ежегодно отпускалось по 500 руб. на секретные расходы, предназначавшиеся для вознаграждения агентуры и производства дознаний по политическим делам. Но секретные расходы были той суммой, расход которой в силу специфичности целей проконтролировать было труднее всего. Главная сложность заключалась в оправдательных документах и их виде. Первоначально данная сумма вообще отпускалась «безотчетно», лишь позднее возникла необходимость оправдательных документов. В частности, вознаграждение секретных агентов, которые были известны только штаб-офицеру, осуществлялось по распискам, в которых они указывали свои конспиративные имена, а не настоящие. Вице-директор Департамента полиции МВД (1912–1917) К. Д. Кафафов упоминал в мемуарах любопытный эпизод, услышанный им в свое время от коллег. Директор Департамента полиции (1884–1893) П. Н. Дурново, при помощи перлюстрации дипломатической корреспонденции уличивший бразильского посла в интимной связи со своей любовницей, со скандалом покинул

⁵⁴ Приказы начальника Воронежского жандармского полицейского управления железной дороги // Там же. Д. 2. Л. 27.

⁵⁵ См.: Чукарев А. Г. Тайная полиция России, 1825–1855. М., 2005. С. 133–134.

⁵⁶ См.: О принятии вознаграждений, предлагаемых чинам Корпуса жандармов частными лицами и учреждениями // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2902.

занимаемый пост. «Узнав о своем предстоящем увольнении, — пишет К. Д. Кафафов, — он (Дурново. — А. П.) пришел в Департамент, призвал казначея и спросил его, сколько у него в кассе секретных денег. Тот ответил — 75 тысяч. “Запишите их в расход по агентуре и принесите мне”. Деньги были принесены, директор вынул из кармана салфетку, завернул деньги, положил их в карман, ушел домой и больше в Департамент не возвращался»⁵⁷.

Растраты казенных сумм имели место не только в Департаменте полиции, но и в структурных подразделениях ОКЖ. В частности, расследование обстоятельств гибели П. А. Столыпина, помимо халатности местных органов сыска, выявило растрату начальником Киевского ОО подполковником Н. Н. Кулябко значительных казенных сумм (32 тыс. руб.), следствием чего стало резкое сокращение средств на секретную агентуру⁵⁸. Как правило, ассигнование средств на секретные расходы составляло весьма серьезную сумму, которая возрастала по мере развития революционного движения. К примеру, в 1896–1901 гг. в относительно спокойном аграрном регионе, каким была Воронежская губерния, на эти цели Департаментом полиции выделялось ежегодно по 3500 руб., в дальнейшем фиксируются суммы в 17 тыс. руб. (1909 г.) и 12 тыс. руб. (1913 г.)⁵⁹.

Брали ли жандармы взятки? Отметим, что такое явление, как взяточничество, не получило развития среди жандармских чинов. Многие жандармы-мемуаристы неоднократно подчеркивали свою честность на службе и бессеребрность в привычках, что выделяло их из общего числа не всегда чистых на руку гражданских и полицейских чиновников, а также военных. Хотя в пореформенную эпоху бытовала весьма оригинальная точка зрения, высказанная корифеем уголовного сыска И. Д. Путилиным: «...сколько ходит по улицам на свободе с гордо поднятой головой “честных” людей, честных только потому, что им не представился ни разу случай искушения. Из 100 этих честных поставьте в возможность взять взятку, ограбить кассу, совершить растрату, и, ручаюсь, 98 из них постараются не упустить этой возможности»⁶⁰.

Неразвитость взяточничества среди жандармов объясняется несколькими причинами. Во-первых, достаточно высоким по меркам пореформенной России содержанием жандармов, выгодно отличавшим их от других категорий служащих государственного аппарата. Во-вторых, чрезвычайно узким и социально неоднородным кругом лиц, с которыми они имели дело по роду службы. Все-таки жандарм, берущий взятки с условного революционера за его потенциальное освобождение, — явление, в литературе не встречающееся. В-третьих, страхом перед лицом

⁵⁷ Кафафов К. Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2008. № 5. С. 82.

⁵⁸ См.: Политическая полиция Российской империи между реформами. От В. К. Плеве до В. Ф. Джунковского. Сборник документов / вступ. ст., сост. и коммент. Е. И. Щербаковой. М.; СПб., 2014. С. 13; Дунаева А. Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М., 2012. С. 197. — Сокращение финансирования деятельности охранных отделений А. Ю. Дунаева объясняет помимо тотального недоверия к «охранникам» свойственной В. Ф. Джунковскому (командиру ОКЖ в 1913–1915 гг.) практичностью и хозяйственностью. См.: Там же. С. 214.

⁵⁹ См.: Страхов Л. В. Секретные расходы Воронежского губернского жандармского управления в начале XX в. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 3. С. 124–125, 127.

⁶⁰ Путилин И. Д. 40 лет среди убийц и грабителей // Российский сыщик Иван Дмитриевич Путилин: в 2 т. М., 2014. Т. 1. С. 263.

общественного мнения, способного в эпоху гласности распространить информацию о коррупционном факте и грозившего дальнейшим увольнением со службы. Таким образом, брать взятки жандармам было просто-напросто невыгодно.

Справедливости ради отметим, что все-таки случаи нечистоплотности среди жандармов имели место. Мздоимство было двух видов — официально разрешенное и традиционное (противозаконное). Начальники жандармских управлений еще прежде официальных инструкций на этот счет практиковали передачу денег, представленных нижними чинами, в различные местные казенные и общественные благотворительные учреждения по собственному усмотрению. Несмотря на то что подобное явление противоречило существовавшему законодательству, по которому запрещалось не только присвоение, но и само принятие подарков по делам, касающимся службы, тем не менее по решению Главного военного суда в 1885 г. такие деньги было принято присоединять к капиталам Александровского комитета о раненых⁶¹. 14 июня 1907 г. вышел циркуляр ОКЖ № 75, установивший единый порядок передачи денег на счета инвалидного капитала Александровского комитета о раненых через губернские и уездные казначейства⁶². После передачи «подкупных» денег начальству жандарму в приказе по ОКЖ объявлялась благодарность. Чаще всего попытки подкупа нижних чинов встречались на линиях железных дорог (например, при контрабанде вина) и при попытке нелегального перехода границы. Как правило, это были небольшие суммы, составлявшие 3–5 руб.

Несмотря на отдельные нарушения, среди нижних жандармских чинов наблюдалась тенденция к сохранению высокого уровня нравственной дисциплины. Среди них практически не было утративших доверие начальства из-за использования ими служебного положения в личных целях, а также склонных к шантажу и вымогательствам⁶³. В 1885 г. начальник Нижегородского ГЖУ генерал-майор И. Н. Познанский, рассуждая о нравственности унтер-офицеров, писал: «Наблюдательные жандармские обязанности представляют все условия для того, чтобы человек, на которого они возлагаются, в особенности при недостатке собственных средств и несоответствии размера получаемого жалованья с возрастающей ежедневно дороговизной, *не поддался бы искушению получить так называемую благодарность* (курсив мой. — А. П.) за испытываемые по производимому делу труды и неудобства. Многие нижние чины, — продолжал он, — ищут службы в жандармах специально в надежде составить себе капиталец про черный день. Нечего и говорить, что при получении первого сведения о том, что жандарм, узнав о каком-либо случае, скрыл его или описал в ненадлежащем виде, такой жандарм немедленно удаляется от службы. Отсюда очевидно, что нравственное состояние жандармов, служащих более и менее продолжительное время, хорошо; будь иначе, — резюмировал генерал, — их бы на службе не держали»⁶⁴.

Противоправные поступки совершали в том числе родственники жандармских офицеров. Интересным на наш взгляд представляется случай с подполковником

⁶¹ Лавренова А. М. Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. С. 209.

⁶² Там же. С. 210.

⁶³ См., например: Бойко С. И. Казанское губернское жандармское управление в 1880–1917 гг. С. 15.

⁶⁴ Отчеты разных губернских жандармских управлений об инспекторских смотрах // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1949. Л. 252 об. — 253.

В. Д. Самойловым, в 1906–1907 гг. служившим помощником начальника Киевского ГЖУ. Руководству стало известно о циркулировавших в уездном городке Умани слухах об освобождении арестованных им людей за деньги. Весомым поводом для служебной проверки стало перлюстрированное Департаментом полиции письмо от 25 июня 1907 г.: «Из тюрьмы понемногу начинают освобождать. Жандармский [под]полковник берет за освобождение деньги».

Вскоре выяснилось, что деньги при посредничестве некоего еврея брала супруга жандармского подполковника. Причина оказалась банальной: «Жена Самойлова, женщина лет 42–45, имея уже взрослых детей, увлеклась одним из борцов-атлетов посетившей г. Умань труппы. Кроме оживленной с ним переписки несколько раз посылала ему ценные подарки, немислимые при отсутствии собственных средств и скромном бюджете мужа, что, я полагаю, — писал в штаб ОКЖ начальник Киевского ГЖУ, — не могло быть сделано с ведома мужа»⁶⁵.

Такие разные жандармы... Автору этих строк видится вполне резонным сравнить по уровню содержания жандармов не только с полицейскими чиновниками и армейскими офицерами, но и друг с другом, между различными группами служащих. Так, при схожих финансовых показателях губернских и железнодорожных жандармов последние находились в заведомо лучших условиях (см. табл. 2). Они считали себя жандармской аристократией, долгое время не занимаясь политическим розыском, были на виду у публики, им благоволил штаб ОКЖ. Мемуарная литература изобилует примерами финансового благополучия. Относительно небольшой оклад содержания обер-офицера (около 250 руб. в месяц), по словам Н. А. Кравца, компенсировался отличной казенной квартирой из пяти комнат, отоплением, освещением, огородом, цветником, бесплатным проездом по всем российским железным дорогам в 1-м классе, не исключая курьерских поездов, и даже своим маленьким служебным вагоном, который жандарм имел право прицеплять в любое время и ко всем поездам⁶⁶. Наличие подобного вагона обеспечивало протекание службы и быта жандарма в комфортных условиях. «Обыкновенно в субботу с вечера мы садились в железнодорожном собрании играть в винт, — вспоминал А. М. Поляков. — Играли до 1–2 часа ночи, потом ужинали. Партнеры расходились по домам, а я забирался в свой служебный вагон (какое удобство!), прицеплялся к ночному скорому поезду и утром был в Байрам-Али»⁶⁷.

«Помимо этого, дети наши могли приезжать на все каникулы на Рождество, на лето, на Пасху также бесплатно; я и мои дети ездили в вагоне 1-го класса, — вспоминал тот же А. М. Поляков. — Врачебная помощь, лекарство, топливо и прочее отпускались или бесплатно, или на льготных условиях, как и другим железнодорожным служащим»⁶⁸. А что уж говорить о частной железной дороге. «Все мы, то есть жандармские офицеры, мечтали попасть на службу частной железной дороги, так

⁶⁵ О неправильных действиях чинов Отдельного корпуса жандармов. Помощника начальника Воронежского губернского жандармского управления подполковника Самойлова // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Особый отдел (ОО). 1898 г. Д. 580, ч. 43. Л. 12 об.

⁶⁶ Кравец Н. А. [«Ника»] Воспоминания жандармского офицера // Жандармы России. СПб.; М., 2002. С. 558.

⁶⁷ Поляков А. М. Записки жандармского офицера. С. 526. — При станции Байрам-Али в Туркестане находилось Мургабское государево имение, богатое фазанами. Поляков был заядлым любителем охоты, причем зачастую направлялся на нее вместе с супругой.

⁶⁸ Поляков А. М. Записки жандармского офицера. С. 527.

как там, помимо всего казенного содержания, дорога доплачивала около 200 рублей, плюс бесплатная квартира, отопление и освещение. Конечно, такое содержание по тогдашнему времени (1910-е гг. — А. П.) было верхом благополучия...»⁶⁹

Пожалуй, лучшим материальное положение было лишь у разыскных офицеров, возглавлявших охранные отделения (ОО) в крупных городах и промышленных центрах и занимавшихся исключительно политическим розыском. Эта группа служащих оформилась в самом начале XX в., когда с 1902 г. нелегально (по ведомственному циркуляру, а не в соответствии с законом) стали массово появляться разыскные (охранные) отделения. И если в XIX в. таких было всего два, то к 1904 г. их насчитывалось уже 24⁷⁰, а в дальнейшем — более 30.

Так, начальник Московского ОО (1912–1917) А. П. Мартынов, уподоблял свое содержание губернаторскому. Помимо ежемесячного жалованья (основного и добавочного) солидную прибавку составляли наградные деньги: по 2000 руб. к Рождеству и Пасхе из сумм градоначальства и 1000 руб. от Департамента полиции. «К этому надо добавить казенную квартиру из восьми комнат с отоплением и освещением, казенный выезд и бесплатные билеты по железным дорогам и во все московские театры, без исключения. В общем, — заключал Мартынов, — одно денежное довольствие составляло сумму в 1000 рублей ежемесячно. Штатская одежда тоже оплачивалась Департаментом полиции»⁷¹.

В охранных отделениях, размещенных в провинции и созданных на базе ГЖУ, а не при градоначальствах, финансовое обеспечение было, конечно, несколько скромнее описанного А. П. Мартыновым. Так, содержание начальника Донского охранного отделения (1912–1913) подполковника В. М. Башинского составляло около 4,5 тыс. руб.⁷², что сравнимо с содержанием вице-губернатора. Схожие цифры фигурируют и в Казани⁷³.

Недаром директор Департамента полиции С. Белецкий в циркулярном обращении от 3 октября 1912 г. подверг серьезной критике офицеров, возглавлявших политический сыск в империи, за распад в большинстве подведомственных им управлений «агентурного освещения при явной инертности лиц... к лежащим на них обязанностям». Он был уверен, что жандармские офицеры приложат все усилия, дабы оправдать возложенное на них доверие, и «с полным успехом всецело отдадутся несению своих серьезных государственных обязанностей, тем более что начальники охранных отделений и губернских жандармских управлений располагают для этого вполне достаточным денежным отпуском и лично и материально обеспечены лучше, чем на другой какой-либо отрасли государственной службы (курсив мой. — А. П.)»⁷⁴.

⁶⁹ Кравец Н. А. [«Ника»] Воспоминания жандармского офицера. С. 560.

⁷⁰ См.: Романов В. В., Павлюченко Ю. Р. Образование охранных отделений в Российской империи: организационно-правовой аспект // Симбирский научный вестник. 2011. № 4 (6). С. 23.

⁷¹ Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 290–291.

⁷² Документы (ведомости, списки, переписка) по участию офицеров ВГЖУ в офицерском заемном капитале // ГАВО. Ф. И–1. Оп. 3. Д. 132. Л. 41–41 об.

⁷³ Общая сумма содержания начальника охранного отделения в Казани ротмистра Кулакова составляла перед Первой русской революцией 443 руб. в месяц при 385 руб. у начальника Казанского ГЖУ в чине полковника. См.: Романов В. В., Павлюченко Ю. Р. Образование охранных отделений в Российской империи. С. 25.

⁷⁴ Указания Департамента полиции МВД по борьбе с революционными настроениями, партиями и организациями // ГАВО. Ф. И–1. Оп. 2. Д. 96. Л. 172–173.

У С.Н.Глобачевой, жены последнего начальника Петроградского ОО (1915–1917) К.И.Глобачева, в годы американской эмиграции «был чемодан, наполненный царскими (николаевскими) бумажными деньгами и сертификатами акций, который она хранила под кроватью»⁷⁵. По словам внука, этот чемодан хранился вплоть до ее смерти в ноябре 1950 г. Семья Глобачевых, проживавшая в США с 1923 г., как и любая другая эмигрантская семья, надеялась на то, что коммунизм в России будет низложен и они смогут вернуться домой. Именно по этой причине несколько лет они не приобретали собственную квартиру, довольствуясь временным проживанием в съемных меблированных комнатах.

Итак, удалось установить, что структурные части ОКЖ отличались друг друга не только характером служебной деятельности, но и условиями материального существования. В этом плане железнодорожные жандармы и розыскные офицеры («охранники») существенно превосходили своих коллег из ГЖУ.

Годы Первой мировой войны стоят особняком и выбиваются из общей картины благополучия жандармских чинов. Меры материальной поддержки оказались явно недостаточными и не поспевали за стремительно меняющимися событиями. Как известно, вздорожание жизни и обеднение население имело общероссийскую тенденцию. Судить об уровне благосостояния жандарма на основании данного кризисного периода было бы ошибочно.

В пореформенный период денежное содержание жандармских чинов было на достаточно высоком уровне. Почему государство платило им больше, чем военным? Во-первых, желая поднять престиж жандармской службы и подчеркивая тем самым ту особую и исключительную миссию, которую выполняли жандармы по защите государственного строя. Во-вторых, высокое жалованье позволяло конкурировать по уровню доходов с представителями местной администрации и обществу достойное положение, столь необходимое для наблюдения и осуществления функций политической полиции в регионе. К тому же в отличие от гражданских чиновников деятельность жандарма была сопряжена с жесткой регламентацией — он не мог жить там, где ему хотелось, и заниматься тем, чем нравилось.

Достойный уровень оплаты жандармской службы был вызван многочисленными трудностями и опасностями, присущими этому виду деятельности. Служащие были подвержены разного рода профессиональным заболеваниям (ревматизм, сердечно-сосудистые и желудочно-кишечные болезни, повышенный травматизм при крушении поездов), среди которых особое место занимают психические заболевания вследствие неправильного режима труда и отдыха, а также чрезмерного напряжения физических и моральных сил. В годы массового террора, сопровождавшего Первую русскую революцию, жандармы, облаченные в форменную одежду, стали удобными мишенями для террористов.

В ходе изучения документов официального делопроизводства, послужных списков и мемуарной литературы выявлено, что уровень благосостояния жандарма в пореформенной России ранжировался в зависимости от его специализации, существенно повышаясь там, где существовали дополнительные источники финансирования: Департамент полиции, градоначальство или общества частных же-

⁷⁵ См.: *Маринич В. Г. Судьба русского офицера // Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 317.*

лезных дорог. Высокий уровень содержания офицеров охранных отделений, сравнимый с представителями высшего губернаторского звена, был вызван степенью сложности и опасности выполняемых обязанностей.

Высокое содержание было одним из ключевых инструментов при проведении кадровой политики Корпуса жандармов, стимулируя высокий спрос на жандармскую службу и способствуя привлечению через конкурсный отбор наиболее подходящих армейских офицеров. Эти мероприятия отвечали главной задаче, стоящей перед властями, все усилия которых были направлены на формирование эффективного местного аппарата политической полиции. Многочисленные и разнообразные виды довольствия (почти полтора десятка) позволяли жандармскому офицеру не думать о хлебе насущном и направлять все внимание и энергию исключительно на исполнение служебных обязанностей.

Неразвитость взяточничества и системных служебных злоупотреблений свидетельствует не только о наличии среди большинства жандармов высоких морально-нравственных принципов, но и о грамотно выстроенной системе по отбору кадров, а также об успешной социальной политике государства, направленной на поддержание жандармов в наиболее трудные периоды.

У жандармов был высокий уровень социальной защищенности, в частности наличие пенсионного обеспечения. В случае ухудшения условий жизни они апеллировали к руководству, где их требования, как правило, находили понимание в виде назначения единовременных пособий. Существовали определенные виды льгот. И все-таки следует признать, что оценить реальный уровень жизни жандарма в пореформенной России можно лишь предположительно. По документам хорошо прослеживаются лишь штатные статьи дохода — положенные по чину и занимаемой должности оклад, столовые и добавочные деньги. Остальные виды выплат носили индивидуальный характер и зависели от региона службы (квартирное довольствие), а также от временных обстоятельств (единовременное пособие на воспитание детей) и источников финансирования, в свете чего они не могут быть признаны надежными источниками при моделировании уровня жизни жандармского чина. При этом смело можно утверждать, что жандармский генеральский, штаб- и обер-офицерский состав относился к довольно узкому слою относительно обеспеченных людей. В конце XIX — начале XX в. насчитывалось чуть более 400 тыс. человек, получавших годовой доход свыше тысячи рублей.

Вместе с тем, несмотря на повышавшиеся несколько раз в течение второй половины XIX — начала XX в. оклады, вполне очевидно ухудшение общего уровня благосостояния жандармов. Происходит обеднение офицерского состава ОКЖ, поскольку его ряды пополнялись в массе своей за счет провинциальных дворян, не имевших в собственности никакого имущества и рассчитывавших в жизни исключительно на служебное содержание. В пореформенный период богатство как критерий успешного продвижения по службе постепенно уступает позиции новым факторам в виде образования, профессионализма, личностных качеств.

В этом контексте отчетливо прослеживается, что уровень жизни жандармских чинов находился в прямой зависимости от служебного положения. Степень их благосостояния носила непостоянный характер и была ограничена временем нахождения на службе. Отсутствие иных источников существования делало проблему денежного довольствия для жандармов важнейшей, определявшей целиком их быт

и семейное положение. Наличие среди служащих обществ (касс) взаимопомощи свидетельствовало о временном, неустойчивом финансовом благополучии, что заставляло их в настоящем думать уже о будущем, когда в условиях расстроенного здоровья и преклонных лет пенсия становилась единственным источником существования.

References

- Boiko S. I. *Kazan Provincial Gendarme Administration in 1880–1917: organizational foundations and activities in the multi-ethnic and confessional region*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Cheboksary, [s. n.], 2013, 22 p. (In Russian)
- Boiko S. I., Petrenko N. I., Sokolova V. I. *Kazan provincial gendarme administration in 1880–1917: organization and activity in a multi-ethnic and confessional region*. Cheboksary, [s. n.], 2016, 208 p. (In Russian)
- Dunaeva A. Yu. *Police reforms in Russia at the beginning of the 20th century and Vladimir Fedorovich Dzhunkovsky*. Moscow, Ob'edinennaia redaktsiia MVD Rossii Publ., 2012, 320 p. (In Russian)
- Chukarev A. G. *The secret police of Russia, 1825–1855*. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2005, 701 p. (In Russian)
- Kafafov K. D. Memories of the internal affairs of the Russian Empire. *Voprosi istorii*, 2008, no. 5, pp. 79–95; no. 6, pp. 77–90. (In Russian)
- Kravets N. A. ["Nika"] Memories of a gendarme officer. *Zhandarmy Rossii*. St. Petersburg, Neva Press, Moscow, OLMA-PRESS, 2002, pp. 543–565 (In Russian)
- Lavrenova A. M. *A separate corps of gendarmes and Russian society in 1880–1917*: Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, [s. n.], 2018, 303 p. (In Russian)
- Marinich V. G. The fate of the Russian officer. *Globachev K. I. Pravda o russkoi revoliutsii: Vospominaniia byvshego nachal'nika Petrogradskogo okhrannogo otdeleniia*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia Publ., 2009, 519 p. (In Russian)
- Martynov A. P. My service in the Separate Gendarme Corps. "Okhranka": *vospominaniia rukovoditelei politicheskogo syyska*. Vol. 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004, pp. 29–408. (In Russian)
- Mironov B. N. *Russian empire: from tradition to modern*. Vol. 3. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2015, 989 p.
- Mordvinov A. A. *From the past: Memoirs of the Adjutant Wing of Emperor Nicholas II*. Vol. 1. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2014, 574 p. (In Russian)
- Orzhekhovskii I. V. *Autocracy against revolutionary Russia*. Moscow, Thought Publ., 1982, 207 p. (In Russian)
- Poliakov A. M. Notes of the gendarme officer. *Zhandarmy Rossii*. St. Petersburg, Neva Press, Moscow, OLMA-PRESS, 2002, pp. 482–543. (In Russian)
- Putilin I. D. 40 years among murderers and robbers. *Rossiiskii syshchik Ivan Dmitrievich Putilin*. Vol. 1. Moscow, Book Club Publ., 2014, 400 p. (In Russian)
- Romanov V. V., Pavliuchenko Iu. R. The formation of security departments in the Russian Empire: organizational and legal aspect. *Simbirskii nauchnyi vestnik*, 2011, no. 4 (6), pp. 18–27. (In Russian)
- Stogov E. I. *Notes of the gendarme staff officer of the era of Nicholas I*. Moscow, Indrik Publ., 2003, 239 p. (In Russian)
- Strakhov L. V. Secret expenses of the Voronezh provincial gendarme administration at the beginning of the XX century. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istorii. Politologii. Sotsiologii*, 2015, no. 3, pp. 124–128. (In Russian)
- Shavel'skii G. *Memoirs of the last protopresbyter of the Russian army and navy*. Moscow, Krutitskoe Patriarshee podvor'e Publ., 2010, 701 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 25 июня 2019 г.

Рекомендована в печать 12 марта 2021 г.

Received: June 25, 2019

Accepted: March 12, 2021